

Языковая картина мира

6 фактов о внутренней структуре языка, логике выбора слов и конвенциях

**Ирина Борисовна ЛЕВОНТИНА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН**

Языковая картина мира – это отраженный в языке способ видения мира. Или по-другому можно сказать, что это концептуализация действительности. Это понятие восходит, с одной стороны, к учению Вильгельма фон Гумбольдта, а с другой стороны, к так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа. Сейчас исследования языковой картины мира очень популярны. И это, в частности, связано с работами австралийского лингвиста польского происхождения Анны Вежбицкой, которая написала прекрасные исследования о языковой картине мира в разных языках: английском, русском, аборигенских языках Австралии, немецком языке и так далее — и сделала массу очень тонких и ценных наблюдений.

1. О внутренней структуре языка

Любой естественный язык определенным образом представляет мир. Если изучать значение языковых выражений, можно заметить, что в языке представлены, так сказать, «наивная» геометрия, «наивная» физика, даже «наивная» психология – что угодно. Скажем, в русском языке есть слова «узкий», «широкий», «тонкий», «мелкий», «глубокий», «высокий» и так далее. Если посмотреть, как они употребляются, то это довольно сложно и трудно описать. Но употребление подобных слов подчиняется определенной закономерности. И вот из этих употреблений можно выстроить своего рода «наивную» геометрию, которая, естественно, будет очень сильно отличаться от геометрии в школьном представлении или от научной геометрии. Это совершенно особая вещь. Причем тут важно не употребление таких выражений, как, скажем, «глубокая» и «мелкая тарелка», устойчивых и закрепленных в языке сочетаний. Есть очень простые вопросы: какой предмет мы назовем толстым, а какой широким? Какой узкий, а какой тонкий? Если высокий предмет положить, он станет длинным? И так далее.

2. О логике выбора предлогов в русском

В языке есть определенная картина причинности (как устроены причинно-следственные связи в жизни). Человек хочет сказать, что он кого-то пожалел, и это явилось причиной какого-то другого события. Какой предлог здесь надо употребить? Скажет ли он «от жалости» или «из жалости»? Или, может быть, «из-за жалости»? Для того чтобы выбрать предлог, человеку надо проанализировать ситуацию, потому что если речь идет о каком-то неконтролируемом состоянии, спонтанном, то человек скажет, например, «от жалости заплакал». Если же человек совершил какой-то поступок и мотивом этого поступка было чувство жалости, тогда надо употребить предлог «из». Скажем, он из жалости разрешил человеку не ходить на работу столько-то дней. Вот из жалости он это сделал. Но это только один аспект. Например, «из жалости» можно сказать, только если речь идет о непосредственной причине. Представим себе ситуацию: человек кого-то пожалел, тот завалил всю работу, и из-за этого человек провалил какой-то большой проект. Он провалил свой проект «из-за жалости». Здесь нельзя сказать, что он «из жалости» провалил свой проект, потому что это не было мотивом его поступка, речь идет об опосредованной причине этого события. Он пожалел, из-за этого что-то произошло, одно явление было опосредованной

причиной другого. Надо употребить предлог «из-за». Но мы не учли еще один аспект: если что-то произошло хорошее, то мы сказать «из-за» уже не можем. Тогда мы должны употребить предлог «благодаря». То есть мы видим, сколько человек должен учесть факторов, аспектов для того, чтобы, оценив ситуацию, просто выбрать предлог. А это мы еще не говорим о том, выбрать ли ему слово «жалость», слово «сочувствие», слово «сострадание» или слово «участие». Таким образом, просто буквально при выборе предлога человек обращается к целой совокупности представлений о причинности, а при выборе следующего слова – к имеющейся в русском языке совокупности представлений об этом типе эмоций.

3. О системе описания

Эти же признаки работают и в других словах, связанных с причинностью в русском языке, например в союзах типа «потому что» или глаголах «вызывать», «приводить» и так далее. Мы видим, что тут сложная разветвленная система представлений, и она не совпадает, скажем, с научным понятием причинности, причинно-следственной связи. Русский язык выбирает в качестве ключевых некоторые признаки ситуации, которые необходимо учесть просто для того, чтобы выбрать нужное слово. Это и есть то, что мы понимаем под языковой картиной мира. В так называемой Московской семантической школе идея картины мира положена в основу принципа системности описания. Мы стараемся описывать слова системно, так, чтобы не просто замечать какие-то их случайные свойства, а чтобы реконструировать тот фрагмент языковой картины мира, который стоит за этими употреблениями. Человек так привыкает к той картине, которая дается ему вместе с его родным языком, что ему кажется: так устроена жизнь вообще. И он очень удивляется, когда узнает, что в других языках могут быть какие-то иные представления о данном фрагменте мира. Может быть, эти представления организованы совершенно иначе, начиная с самых простых и известных вещей, скажем, что по-русски различаются цвета синий и голубой, а по-английски они не различаются. Или, скажем, по-русски все пальцы на руках и на ногах – это все равно пальцы, а в английском это устроено совсем иначе.

4. О выборе глагола в русском языке

Человек получает представление о жизни через язык. Я приведу очень простой пример: очень часто человек должен выразить какой-то обязательный смысл. Точно так же, как по-русски нельзя употребить слово в никаком падеже. У нас есть категория падежа, и будь любезен, пожалуйста, определи все-таки, какой у тебя должен быть падеж: дательный или винительный. Точно так же и в области смысла: очень часто бывает, что человек обязан выразить какой-то смысл. Пока он не решил, какой у него в этом месте смысл, он не может это сказать. Рассмотрим простейший случай. В русском языке есть глагол «дарить». Казалось бы, совершенно простой, ничего в нем такого особенно непереводаемого нет, это понятно, что такой глагол есть и в других языках. Однако представим себе ситуацию. Что такое собственно «подарить»? Это дать кому-то бесплатно навсегда, желая выразить хорошее отношение, ну и так далее. Вот человек что-то кому-то передает. Как мы должны это назвать? По-английски нам проще, мы можем употребить глагол «give». По-русски не можем так поступить. Мы должны разобраться: человек дает это бесплатно навсегда с каким чувством? Для того чтобы выразить свое хорошее отношение или порадовать, или поздравить? Тогда надо сказать «дарить». Или он отдает потому, что ему не нужно? Тогда надо сказать «отдать». Или он дает, может быть, на время? Тогда надо сказать «дать», а употребить глагол «подарить» нельзя. Или он, может быть, дает, скажем, крестильный крестик с символическими какими-то целями. Тогда опять нельзя сказать «подарить», а надо сказать «дать». И пока мы эту ситуацию не проанализировали, мы глагол выбрать не можем. В английском языке есть глагол с более общим значением – «give», который, казалось бы, очень похож на русский «дать», но оказывается, что в этом месте фрагмент картины мира устроен по-другому. Мы не можем здесь, не выразив этот смысл, пойти дальше. Замечу попутно, что для русского языка вообще характерно внимание к мотивам. Мы очень часто не можем обозначить действие каким-то образом, пока мы не определили, для чего человек его совершает.

5. О конвенциях в языке

Самое важное в языковой картине мира – это не то, что в ней декларируется, а то, что как бы находится в подтексте и принимается всеми носителями языка как нечто само собой разумеющееся, в чем им даже не приходит в голову усомниться. Я очень люблю пример, который

обычно приводит мой коллега и соавтор по многим работам Алексей Шмелев. Он говорит о том, что из пословицы «Любовь зла – полюбишь и козла» абсолютно нельзя сделать вывод о том, какие представления о любви в данной культуре. Потому что это то, что декларируется в этой фразе. Декларироваться может все, что угодно, люди вообще лживы, и язык тоже. Зато совершенно точно можно сказать, что в данной культуре козел – это несимпатичное животное, что носитель русского языка и русской культуры представляет себе козла, как животное совершенно несимпатичное. Это совершенно неочевидно в других языковых культурах, это может быть иначе, и у разных животных абсолютно разные коннотации.

6. О трудностях в исследовании

Говоря о языковой картине мира, очень важно иметь в виду следующее. К сожалению, эта тема сейчас часто эксплуатируется, и делаются весьма безответственные заявления, когда, скажем, из какой-то одной пословицы, одного словоупотребления делаются далеко идущие выводы. Например, я сама слышала доклад, кстати, американского человека, в котором он выводил трагедию 11-го сентября непосредственно из структуры арабского языка, что, конечно, совершенно невозможно и недопустимо. Тем не менее то, что мы сейчас уже знаем про значение языковых выражений, про их функционирование, убеждает нас в том, что, действительно, языковая картина мира – это реальность. Мы не очень много знаем пока о ней, мы исследовали разные ее фрагменты в русском языке, мы узнали, что существуют разные варианты, что она менялась со временем и меняется очень активно сейчас, что в разных социальных слоях немного есть разные варианты, модификации картины мира, кое-какие различия разных картин мира нам удалось обнаружить, но тем не менее, конечно, исследования в этом направлении еще только начаты.

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. 2012. 696 с.
Русская языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред Ю. Д. Апресян. — М.: Языки славянских культур, 2006 . 912 с.
A. Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford: Oxford University Press. 1992